

ский писал, что обращение к этому сочинению характеризует то, «как новые интересы постепенно захватывали демократического читателя, привыкшего ранее к старинной литературе».⁶

Что же представляет собой переписанный Анфимом Шешковым текст, условно названный первоиздателями «Сказкой о некоем молодце, коне и сабле»?

В «Памятниках старинной русской литературы» Сказка обозначена как «отрывок». Если воспринимать этот текст как текст сюжетно-повествовательного жанра, то тогда действительно перед нами отрывок — самое начало, зачин более обширного рассказа о молодце. Но, может быть, это не часть сюжетного рассказа, а законченное описание молодца, его коня и его оружия? Сам Шешков, судя по тому, как он записал этот текст, воспринимал его как цельный и законченный: текст завершался на середине листа и после него, как уже отмечалось выше, Шешков нарисовал концовку. Выше также уже отмечалось, что Сказка написана более небрежно, более размашисто, чем остальные переписанные Шешковым тексты. Видимо, это объясняется тем, что Сказку Шешков не переписывал с другой рукописи, а записывал ее по памяти. Таким образом, внешний вид рукописи подтверждает высказанное А. М. Панченко предположение, что Сказка «является записью фольклорного произведения».⁷

По мнению А. М. Панченко, Сказка представляет собой ритмизованную пародию, в которой «пародируется богатырская тема вообще, пародия явно намекает на былину: на коне 12 подпруг, по аналогии с этим числом конь определяется 12 приметам и т. д. Однако некоторые мотивы свидетельствуют, что автор знал и авантюрные повести».⁸ Более осторожно на этот счет высказывалась В. П. Адрианова-Перетц.⁹ Она писала: «Как литературную пародию, может быть, следует рассматривать загадочную, условно названную издателем „Сказку о молодце, коне и сабле“, сохранившуюся в отрывке в рукописи собрания Погодина, № 1773. Гиперболическое описание коня и оружия „доброго молодца“, возможно, пародирует входившие в моду в XVII в. приключенческие романы-сказки типа „Бовы королевича“, „Еруслана Лазаревича“».¹⁰ По-видимому, сомнения В. П. Адриановой-Перетц послужили причиной тому, что она не включила этот текст в корпус произведений демократической сатиры XVII в.

Думается, что Сказка во многом все еще остается «загадочным» произведением. Единственно бесспорным является ее тесная связь с былинной традицией. Не только по ряду внешних признаков, но и по самой сути описания коня и богатырского вооружения Сказка близка к зачину некоторых былин.

Из-за моря, моря синева,
Из славна Волынца, красна Галичя,
Из тое Корелы богатыя,
Как есён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал, —
Выезжал удача доброй молодец,
Молоды Дюк сын Степанович.
По прозванью Дюк был боярский сын.
А и конь под ним как бы лютой зверь,
Лютой зверь конь, и бур, космат,
У коня грива на леву сторону до сырой земли,
Он сам на коне как есён сокол,
Крепки доспехи на могучих плечах.
Немного с Дюком живота пошло:
Что куяк и панцырь чиста серебра,

⁶ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963, с. 34.

⁷ См.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 491.

⁸ Там же.

⁹ Благодарю А. М. Панченко, обратившего мое внимание на то, что о Сказке писала В. П. Адрианова-Перетц.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, с. 169, примеч. 1.